

Глаза генерала Империи Лян покраснели. Видя, что молодой человек перед ним всё ещё неторопливо играет в вэйци, он стиснул зубы и сжал меч в своей руке, яростно закричав:

— Кто бы ни убил тебя, он будет вознаграждён десятью тысячами золотых таэлей и получит титул Маркиза!

В этот момент рука ВаньЦи Яо, всё ещё сжимающая камень, остановилась в воздухе. Его глаза слегка расширились, а элегантное и изысканное лицо показало слабый след шока; он выглядел так, будто, наконец, вспомнил что-то, о чём давно забыл и делал вид, будто этого никогда не было.

Даже у умных людей имелись темы, которые они предпочитали игнорировать.

Сяо Сян была действительно спокойной и рациональной, но она никогда не стала бы рисковать жизнью ВаньЦи Яо. До того, как армия Чу отправилась в путь, эта женщина-генерал поздно ночью пришла в комнату ВаньЦи Яо и устроила ему допрос: «Если я оставлю Вас здесь одного, будет ли это угрожать Вашей жизни или нет?»

ВаньЦи Яо спокойно и неторопливо ответил: «Я знаю, что генерал не согласна с тем, чтобы я был заложником. Когда ДунЛи Лан войдёт в город, я уверен: со мной ничего не случится».

Но он никогда не думал об этом всерьёз, пока ДунЛи Лан действительно не пришёл.

Холодный острый меч пронзил его грудь, и из неё брызнула свежая кровь, запятнав чёрно-белую шахматную доску. Отчаявшийся Генерал Империи Лян одним ударом попал в его сердце. Кровь застряла у него в горле и стала сочиться из уголков рта.

В этот момент всё внимание зрителей было сосредоточено на молодом человеке в белом.

Смертельно бледное лицо и беспомощный взгляд без малейшего страха или ненависти. В ясных и красивых глазах Жун Сюя отражался испуганный паникующий генерал; мужчина вытащил свой меч, взволнованно пробормотав:

— Так я не умру. Его Высочество вознаградит меня. Он точно меня не накажет.

Через четверть часа в помещение вошёл красивый мужчина в пурпурной парчовой мантии. На его лице читалась нетерпеливость, а на губах красовалась насмешливая улыбка. Вероятно, в этот момент он высмеивал своего самодовольного шиди. Однако в ту секунду, когда он перешагнул через порог, улыбка застыла на его лице. Он безмолвно замер у входа.

Увидев его, генерал почти ползком бросился к нему:

— Ваше Высочество! Ваш скромный слуга ничего не знал об их плане! Ваш слуга не знал!

ДунЛи Лан с неверием смотрел на молодого человека, сидящего перед шахматной доской, всё тело которого было покрыто кровью.

Ужасное количество красной крови расплзлось по доске, из-за чего цвет чёрных камней казался ещё более глубоким, в белые ярко контрастировали на их фоне.

Он потерял слишком много крови; его лицо и губы потеряли свой цвет, но он всё же улыбнулся при виде своего брата, несмотря на то, что кровь продолжала безостановочно сочиться, портя его белую парчу.

Молодой человек протянул ему руку, сказав:

— Шисюн, давно не виделись.

ДунЛи Лан внезапно задрожал. Он не мог пошевелиться. Словно в трансе, он смотрел на эту ужасную сцену, пока молодой человек с сожалением говорил:

— В тот год, перед тем как ты ушёл, ты так и не доиграл со мной шахматную партию. В этом мире... кхм... кхм...

Изо рта ВаньЦи Яо хлынула кровь, не дав ему договорить.

Е Цяо и подумать не мог, что, когда он будет играть эту сцену, его тело выйдет из-под контроля.

Видя, как Жун Сюй кашляет кровью, он неосознанно сделал шаг вперёд, пронзительно и скорбно крикнув:

— Шиди!

Жун Сюй поднял голову, чтобы снова взглянуть на него.

Это чистое и простое улыбающееся выражение лица чуть не заставило Е Цяо рухнуть. Он внезапно почувствовал, что его сердце защемило от боли. Казалось, в этот момент он сам стал ДунЛи Ланом, и на себе осознал, какое горе и отчаяние он испытывал в этот момент. Всего минуту назад он думал о том, как ему унижить своего шиди, но когда он увидел результат своего собственного приказа, и искренне понял, что сейчас потеряет своего шиди навсегда, он осознал, насколько беспомощна и душераздирающа эта сцена...

Теперь Жун Сюя уже не было; только ВаньЦи Яо.

ВаньЦи Яо нежно улыбнулся ему, как будто всё было по-прежнему, как десять лет назад; до того момента, как он предал павильон Ван Цю; когда они со своим шиди играли вместе в вэйци. Он всегда проигрывал, а его шиди всегда побеждал. Шиди говорил ему: «В этом мире только Шисюн может играть со мной в вэйци».

Но ДунЛи Лан всегда думал про себя: «Ну и что с того, что я могу? Я всё равно не могу победить тебя...»

Теперь он снова услышал от ВаньЦи Яо эту фразу:

— В этом мире только Шисюн может играть со мной в вэйци. Эта игра ждала целых десять лет. Шисюн, можешь ли ты сыграть со мной, чтобы закончить её?

Слабый голос постепенно затухал, заставив последнюю нить стойкости ДунЛи Лана окончательно сломаться: Е Цяо быстро подбежал вперёд, чтобы поймать падающее тело ВаньЦи Яо.

ВаньЦи Яо, казалось, хотел сказать что-то ещё, но кровь в горле не давала ему произнести ни слова.

В самый последний момент своей жизни он с нежностью смотрел на своего шисюна. Он хотел поднять руку, чтобы погладить красивое лицо своего брата, но его рука замерла в воздухе, и в эту секунду он медленно закрыл глаза...

Он никогда бы не подумал, что умрёт вот так.

Глаза ДунЛи Лана медленно расширились от шока. Его руки напряглись, когда он прижал к груди постепенно остывающее тело и крепко обнял его, словно желая втереть его себе в кости. Его слёзы, наконец, хлынули наружу, когда ВаньЦи Яо издал свой последний вздох.

Е Цяо рыдал и горько кричал. Его плач кардинально отличался от его предыдущей интерпретации ДунЛи Лана. Потому что ему подсознательно хотелось рыдать. Он чувствовал, что, каким бы сильным не был ДунЛи Лан, в этот момент всю его рациональность должно было как рукой снять: он мог использовать только самый примитивный способ, чтобы выразить своё

горе.

Однако, когда режиссёр Го понял, что это продолжается слишком долго, ему пришлось крикнуть:

— Снято!

Е Цяо плакал и плакал, начав уже икать, поэтому Жун Сюю пришлось беспомощно выползти из его объятий и вытереть кровь с губ.

Е Цяо, казалось, тоже осознал, что чересчур пропустил эту роль через себя, поэтому бросил виноватый взгляд на Жун Сюя, а затем повернулся, чтобы взглянуть на режиссёра:

— Режиссёр Го, не волнуйтесь. В следующий раз я постараюсь держать себя в руках.

Кто знал, что, услышав эти слова, режиссёр Го сразу скажет:

— Держать себя в руках? А!? Учитывая, как ты только что плакал, ты ещё смеешь говорить, что будешь себя сдерживать?! Ты можешь рыдать нормально или нет? Ты знаешь, что значит плакать до потери голоса? Сколько раз вы будете переснимать эту сцену, столько красных конвертов Яцзин ты дашь Жун Сюю. А теперь немедленно собери все свои силы, и РЫДАЙ!

Е Цяо:

— ...

Жун Сюй:

— ...

Нет необходимости в красных конвертах – мы просто хотим закончить эту сцену, не так ли?

<http://tl.rulate.ru/book/3652/90902>